

Николай Добролюбов

**Всеобщая древняя история в
рассказах для детей**

Николай Александрович Добролюбов

Всеобщая древняя история в рассказах для детей

«...у нас вовсе нет хороших книг для детей, особенно по части истории. Поэтому мы обрадовались появлению книжек г-жи Деревницкой, надеясь, что они хоть сколько-нибудь восполнят этот ощутительный недостаток. К сожалению, надежды наши не оправдались. <...> Рассказы г-жи Деревницкой решительно нельзя рекомендовать для детского чтения. Главнейшие недостатки, вредящие этой книге, вот какие: во-первых – отсутствие всякого взгляда на ход исторических событий; во-вторых – неуменье выбирать факты, для детей интересные и полезные; в-третьих – сбивчивость изложения вообще и в четвертых – неуменье говорить с детьми...»

Содержание

#1	0005
Примечания	0015

**Николай Александрович
Добролюбов**

**Всеобщая древняя история в
рассказах для детей**

*Сочинение Анастасии Деревицкой. Три
части. СПб., 1858. in 16°, 134, 153, 121
стр.*

Кроме стихотворений г. Федорова (которые, впрочем, тоже годятся больше для взрослых), у нас вовсе нет хороших книг для детей, особенно по части истории. Поэтому мы обрадовались появлению книжек г-жи Деревицкой, надеясь, что они хоть сколько-нибудь восполнят этот ощутительный недостаток. К сожалению, надежды наши не оправдались. В трех тощеньких книжках разгонистой печати, которые легко могли бы уместиться в одном небольшом томике, г-жа Деревицкая рассказывает детям *всю* древнюю историю, со всеми ее замечательностями, начиная от сотворения мира и оканчивая падением западной Римской империи. Рассказы г-жи Деревицкой решительно нельзя рекомендовать для детского чтения. Главнейшие недостатки, вредящие этой книге, вот какие: во-первых – отсутствие всякого взгляда на ход исторических событий; во-вторых – неуменье выбирать факты, для детей интересные и полезные; в-третьих – сбивчивость изложения вообще и в четвертых – неуменье говорить с детьми.

Некоторые, может быть, удивятся, что мы

требуем от детской книжки выражения какого-нибудь взгляда на исторические события; но это требование совершенно естественно и законно. Детская книжка, особенно историческая, необходимо должна иметь какой-нибудь характер. Мы вовсе не хотим сказать, что тут нужно вводить рассуждения об историческом прогрессе, об идеях, управлявших событиями известного времени, об отдаленных причинах и последствиях каждого события. Всех этих рассуждений должно даже тщательно избегать в детском рассказе; но тем не менее все эти рассуждения непременно должны ясно и твердо сложиться в голове автора так, чтобы они непременно отразились и в самом простом рассказе. Можно бы, например, не пускаясь в рассуждения, чрезвычайно просто и занимательно объяснить детям начало и причины персидских Вои́а. Но г-жа Деревицкая вот как приступает к рассказу о них (стр. 79, ч. I):

Аристид оказал немало заслуг (то есть услуг) своему отечеству. Одной из самых важных можно почесть ту, когда Мильтиад и Аристид посланы

были с многочисленным войском против персов, у которых царствовал Дарий, третий царь после Кира. Предводителем бесчисленного персидского войска был Датис и проч.

Далее уже идет рассказ о Марафонской битве. Персидские войны, таким образом, внезапно падают детям как снег на голову.

Представим еще пример. Имея сколько-нибудь ясное понятие об устройстве Римской республики, о положении классов народа, об общем характере событий последних времен республики, неужели нельзя было очертить законодательную и общественную деятельность Гракхов живым и понятным для детей образом? Что же находим у г-жи Деревницкой? Она говорит только (стр. 100–102, 2 ч.), что когда Рим «возвышался извне, внутри его были раздоры между патрициями и плебеями; главным виновником этих раздоров был старший из Гракхов, Тиверий». Затем рассказан анекдот о матери Гракхов, считавшей своих детей лучшею своей драгоценностью, и потом идет следующее:

Старший сын Корнелии, Тиверий, был

человек сострадательный к бедным, помогал им, и потому – все богатые в Риме сделались его врагами. (Какая полезная логика для детей: помогал бедным и потому вооружил против себя богачей!) Однажды, когда на одном из народных сходбищ он, без всякого намерения, поднял руку выше головы, враги и недоброжелатели истолковали этот неумышленный его поступок в худую сторону. Утверждая, что этим он желал доказать, что хочет быть коронованным (?!), они произвели мятеж, в котором Тиверий был убит.

О Кае Гракхе говорится, что он вел жизнь простую, уединенную, сделал много полезного «и даже ввел несколько новых узаконений». Все это заключается тем, что «Кай был убит в одном возмущении народа против сенаторов, которые, зная его всегдашнее заступничество за плебеев, заранее обрекли его на гибель». Такого рассказа нельзя не назвать крайне жалким, и нельзя думать, чтоб он был интересен для детей, не говоря уже о полной своей бесполезности.

Вообще все лица древней истории вышли у г-жи Деревицкой безличны, бесхарактерны, бесцветны. Одни не имеют никаких отличительных признаков, другие служат скучными олицетворениями нравственных сентенций. Даже Александр, даже Цезарь являются в рассказах г-жи Деревицкой в какой-то странной неопределенности. Мы уже не говорим о таких промахах, какой сделала г-жа Деревицкая, говоря, например, о Драконе. На стр. 51 она называет его «человеком строгой честности и обширного ума»; на следующей же странице, говоря о строгости его законов, замечает: «Если малые проступки наказывать смертью, то больших существовать не может», — так мыслил и говорил Дракон. Это странное заключение доказывает отсутствие всякого человеческого чувства и здравого рассудка. Представьте себе положение детей, которым говорят, что Дракон был человек обширного ума и не имел здравого смысла... Вот вам и взгляд на исторические личности.

Вследствие недостатка твердых и ясных понятий об истории г-жа Деревицкая обнаруживает весьма мало искусства в выборе пред-

метов рассказа. Неужели рассказ о беспрерывно повторяющихся походах и битвах, изложенных вяло и с обилием собственных имен, – интереснее для детей, нежели картина мирного устройства народа, изложение обычаев, законодательства, изобретений, промышленности и т. п. А между тем в рассказах г-жи Деревицкой нет ничего ни об образованности и законодательстве Египта, ни о законах Персии, ни об изобретениях и торговле финикийян, ни о литературе Индии. Не рассказаны – ни походы аргонавтов, ни Троянская война, ни история Одиссея, – тогда как о Нине, Семирамиде, Сестострисе помещены довольно подробные, хотя и не совсем связанные рассказы. История Персидского царства совсем выпущена из виду, и даже в рассказе о Кире не сказано, как он сделался царем персидским. В римской истории, как мы уже отчасти видели, любопытнейшие вещи рассказываются в общих словах, и это до того доходит, что, например, рассказ о Второй пунической войне оканчивается тем, что «карфагеняне должны были согласиться на невыгодные для них мирные условия». Более ничего о

них не сказано. Да еще мало того: во многих случаях мнения г-жи Деревецкой довольно оригинальны. Так, например, она говорит, что римляне несправедливо и жестоко поступили с Югуртою, восхищается гением Адриана и т. п.

То, что есть в рассказах г-жи Деревецкой, изложено с удивительной сбивчивостью, нескладно, непоследовательно, точно первые опыты ученика, начинающего писать. В образец мы могли бы привести рассказ о нападении галлов на Рим; но боимся длинной выпиской утомить читателей. Сказавши, что римляне скрылись в Капитолий, г-жа Деревецкая говорит; «В это время в Капитолии был Камилл». Затем идет известный анекдот об учителе фалисков, предававшем детей (в рассказе учитель назван *Фалерием*; известно, что *город* осажденных назывался *Фалерий*, а имя учителя неизвестно). Потом тотчас же говорится, что при нападении галлов Камилл жил в Ардее и с ардеянами явился к Риму и прогнал врагов. «Несмотря на то, – продолжается затем, – Камилл был изгнан неблагодарными римлянами». Далее – удивительная

вещь – говорится о том, как галлы подступали к Капитолию, по скале, «путь к которой, вероятно, галлы заметили в то время, когда туда взбирался посланный *от них* (от галлов) воин к Камиллу». После этого рассказывается, что римляне вспомнили об изгнанном Камилле и послали в Капитолий, чтобы получить согласие соотечественников на его возвращение. Наконец, после нескольких анекдотов и сентенций, говорится о явлении Камилла на помощь Риму. Во всем рассказе господствует путаница необыкновенная. В таком роде многие рассказы.

Хороши также многие из отдельных фраз. Например (стр. 8, ч. I), о пирамидах говорится: «Они так древни, что в настоящее время никто не может понять их назначение». О Ромуле и Реме говорится, что иные думают, что их кормила волчица; другие же писатели повествуют, что женщина, спасшая малюток, называлась Волчица, *а так как слово Лира полатыни значит волчица, то последняя догадка вероятнее* (стр. 33). Воля ваша, а это даже безграмотно.

Ошибок в исторических фактах немало.

Например, рассказано об Энее и Дидоне, хотя известно, что между ними триста лет расстояния и что Вергилий выдумал всю эту историю. «Энеида» названа *поэмою о Дидоне!* Нума Помпилий называется *царем сабинским* до избрания в цари римские. Рассказывается небывалая история о том, как Гармодий убил Пизистрата, а сын его Гипсий домогался престола *казнями*, но ничего не достиг и должен был бежать и т. п.

Расположены рассказы г-жи Деревницкой в строго хронологическом порядке. Так, например, после Кира следует Конфуций, затем Тарквиний Гордый, потом Марафонская битва, далее Брут, Ксеркс и т. д. Есть даже рассказы под таким заглавием: «Антонин, Китай, Марк Аврелий». И действительно, после Антонина, неизвестно с какой стати, говорится о Китае, а потом опять о Марке Аврелии.

С моральными сентенциями г-жа Деревницкая непрерывно обращается к детям. И хороша мораль! В одном месте она внушает им «воздерживаться от крепких и горячительных напитков», в другом говорит (стр. 104): «Сила воли, храбрость и терпение должны

быть главными качествами всякого гражданина; но истина и справедливость еще достойнее – это две самые высокие добродетели немногих людей». Итак, главное для всякого храбрость и сила, а истина и справедливость – для немногих. Хороши уроки истории в рассказах г-жи Деревницкой!

Примечания

Условные сокращения

Аничков – Н. А. Добролюбов. Полное собрание сочинений под ред. Е. В. Аничкова, тт. I–IX, СПб., изд-во «Деятель», 1911–1912.

Белинский – В. Г. Белинский. Полное собрание сочинений, тт. I–XIII, М., изд-во Академии наук СССР, 1953–1959.

Герцен — А. И. Герцен. Собрание сочинений в тридцати томах тт. I–XXV, М., изд-во Академии наук СССР, 1954–1961 (издание продолжается).

ГИХЛ – Н. А. Добролюбов Полное собрание сочинений в шести томах. Под ред. П. И. Лебедева-Полянского, М., ГИХЛ. 1934–1941.

Гоголь – Н. В. Гоголь. Полное собрание сочинений, тт. I–XIV, М., изд-во Академии наук СССР, 1937–1952.

ГПБ – Государственная публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина (Ленинград).

Изд. 1862 г. – Н. А. Добролюбов. Сочинения (под ред. Н. Г. Чернышевского), тт. I–IV, СПб., 1862.

ИРЛИ – Институт русской литературы (Пушкинский дом) Академии наук СССР.

Лемке – Н. А. Добролюбов. Первое полное собрание сочинений под ред. М. К. Лемке, тт. I–IV, СПб., изд-во А. С. Панафидиной, 1911 (на обл. – 1912).

ЛН – «Литературное наследство».

Материалы – Материалы для биографии Н. А. Добролюбова, собранные в 1861–1862 годах (Н. Г. Чернышевским), т. I, М., 1890.

Писарев – Д. И. Писарев. Сочинения в четырех томах, тт. 1–4, М., Гослитиздат, 1955–1956.

«*Совр.*» – «Современник».

Указатель – В. Боград. Журнал «Современник» 1847–1866. Указатель содержания. М. – Л., Гослитиздат, 1959,

ЦГИАЛ — Центральный гос. исторический архив (Ленинград).

Чернышевский – Н. Г. Чернышевский. Полное собрание сочинений, тт. I–XVI, М., ГИХЛ, 1939–1953.

Впервые – «Совр.», 1858, № 6, отд. II, стр. 201–205, без подписи. Авторство установлено на основании письма Добролюбова к А. П.

Златовратскому от 7 июля 1858 года (см. выше – стр. 499); о принадлежности рецензии Добролюбову свидетельствует и связь ее с предшествующим отзывом на «Стихотворения для детей» Б. Федорова (см. начало: «Кроме стихотворений г. Федорова... у нас вовсе нет хороших книг для детей...» и т. д.).

Книга А. В. Деревницкой (1818–1861) является одним из тех низкопробных сочинений, которые составлялись по указкам блюстителей официальной идеологии и против которых вела решительную борьбу революционно-демократическая критика. Добролюбов на страницах «Современника» и «Журнала для воспитания» выступил с рядом рецензий на подобные произведения (см. рецензии на «Всемирную историю» Е. Соколовой, на издание «Школа», «Праздничные досуги» и др.).